

ОСЕТИНЫ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ: ПОСЕЛЕНИЕ, АДАПТАЦИЯ, ЭТНОСОЦИАЛЬНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ (КРАТКИЙ ОЧЕРК)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 04-01-33106а/Ю

Г. В. ЧОЧИЕВ

Причины переселения осетин на Ближний Восток

Единичные миграции осетин в страны Ближнего Востока имели место еще в аланскую эпоху и осуществлялись главным образом по веками налаженным каналам черноморской работорговли. Известно, например, что среди черкесских мамлюков в средневековом Египте было несколько лиц явно аланского происхождения [17, 211–216]. Можно предполагать, что и в более поздние эпохи отдельные представители осетинского этноса попадали в качестве рабов или наемных солдат в Османскую империю, Иран и арабские страны, не выделяясь, однако, из общей массы северокавказцев, именуемых собирательным термином «черкесы».

Сравнительно массовое переселение осетин на Ближний Восток, положившее начало формированию осетинской диаспоры, произошло лишь на заключительном этапе Кавказской войны и представляло собой одно из звеньев гораздо более масштабного явления — исхода (частью добровольного, но в основном вынужденного и насильственного) горцев Северного Кавказа в Османскую империю, так называемого мухаджирства (от арабского *мухаджир* «переселенец»).

Причины и конкретные обстоятельства миграции осетин известны в своих основных чертах. В отличие от Северо-Западного Кавказа, в Осетии мухаджирство не было результатом официальной политики выдавливания или изгнания коренного населения. Переселение скорее явилось

здесь формой реакции части традиционного осетинского социума на форсированное утверждение в регионе военно-колониального режима, принявшего особенно выраженные черты после окончательного покорения Восточного Кавказа и пленения имама Шамиля в 1859 г. Несомненно, в какой-то степени уход в османскую Турцию можно рассматривать как отклонение отдельными группами осетинского общества навязываемого им имперского варианта социальной модернизации.

Среди конкретных мотивов, побудивших часть осетин-мусульман покинуть родину, могут быть названы опасения относительно возможной конфискации земель в пользу казачества, насильственной христианизации, принудительного рекрутирования, усиления налогового гнета и т.п. Эти страхи были в значительной степени преувеличены и нередко сознательно нагнетались кругами, имевшими более узкие, групповые основания для стремления к переселению в Турцию: отчасти — муллами, опасавшимися ослабления своего влияния на паству на фоне укрепления позиций христианства в Осетии, отчасти — некоторыми представителями знати, заинтересованными в ограждении своих традиционных сословных привилегий от разрушающего их воздействия российских аграрных реформ [7, 97–98]. Вместе с тем, опасения указанного рода не были совершенно беспочвенны, что подтверждает практика российских властей, в том числе и в самой Осетии, например, ликвидация незадолго до начала переселения в Турцию нескольких равнинных осетинских селений, земли которых были отведены под казачьи станицы [5, 5–6]. Кроме

того, несмотря на то, что в Осетии не осуществлялось прямое вытеснение потенциально неспокойного или неблагонадежного «туземного элемента» за пределы империи, подобные меры властей, предпринимавшиеся в других областях региона, не могли не восприниматься частью осетин как политика России по отношению к горскому мусульманскому населению в целом, тем более что в осетинском обществе имелись круги, пусть и немногочисленные, которые симпатизировали движению Шамиля, а некоторое количество осетин участвовало в нем лично [9, в разн. местах]. На последних стадиях Кавказской войны и после ее окончания именно представители этих оппозиционно настроенных к русской власти слоев составили наиболее активную и довольно значительную долю мухаджиров. Резюмируя сказанное, можно констатировать, что, независимо от реальных намерений и политики правительства в отношении населения Осетии (Осетинского округа), среди определенной его части в конце 50-х — начале 60-х гг. получили распространение крайне негативные ожидания на ближайшую перспективу, подтолкнувшие многих осетин на принятие решения о переселении в Османскую империю. Следует при этом заметить, что последняя, как правило, представлялась им в чрезвычайно идеализированном свете как могущественное и процветающее государство, управляемое справедливым и милосердным султаном — халифом всех мусульман [7, 61, 66–67]. Это обстоятельство, безусловно, также служило дополнительным стимулом к переселению для лиц, склонных к несколько авантюрному поиску «лучшей доли» на чужбине.

Состав переселенцев

Изложенные причины во многом предопределили социальный состав переселенцев. Весьма заметную их группу и в известном смысле инициативное ядро образовали представители традиционной землевладельческой аристократической элиты — *алдары, баделиаты* и прочие (именно численность этих сословий на родине понесла наибольшие относительные потери в результате переселения). При этом знати удалось увлечь за собой немалое количество представителей зависимых сословий — *кавдасардов, кусагов* и т.п. Наиболее многочисленную группу мухаджиров, однако, составляли, как и на родине, свободные крестьяне-*фарсаглаги*.

Очевидно, что подавляющее большинство переселенцев было связано с аграрным производством. В то же время, имеющиеся данные позволяют выделить из их общей массы немногочисленные неаграрные прослойки — профессиональных военных (бывших офицеров российской армии), мусульманское духовенство¹.

Среди мигрантов были представители обеих этнодиалектных групп осетинского народа — иронской и дигорской. Иронцы были представлены в основном выходцами из тагаурского общества, а в меньшей степени куртаинского, алагирского и турсовского обществ, причем значительно преобладали жители созданных в предшествующие десятилетия равнинных мусульманских сел — Зильги, Шанаево (ныне Брут), Заманкул, Тулатово (ныне Беслан), Хумалаг и др. — по сравнению с обитателями селений, расположенных в районах традиционной локализации

¹ В течение 1860–1861 гг. в Турцию переселились 17 офицеров-осетин в чине от корнета до капитана [11: 185–188].

указанных обществ в горах (из горных сел наиболее заметное число мухаджиров дали Даргавс, Саниба, Кобан). Дигорскую часть осетинских переселенцев составили главным образом жители селения Магометановского (ныне Чикола), а также Тугановского (ныне Дур-Дур), Караджаевского (ныне Хазнидон), Карагача и др. [14, 28, 38].

В конфессиональном отношении практически все мигранты, несомненно, являлись мусульманами-суннитами, хотя не исключается вероятность ухода в Турцию незначительного числа номинальных последователей христианства либо традиционной религии осетин.

Этапы переселения и численность осетинских мухаджиров

Основные волны миграции осетин в Османскую империю — часто одновременно и совместно с представителями других народов Центрального и Восточного Кавказа — имели место в период с 1859 по 1862 гг., причем пик этого движения пришелся на весну–лето 1860 г., когда переселилось до 3 тыс. осетин [14, 28–30]. Следующий, гораздо менее значительный этап осетинского мухаджирства относится к 1865 г., когда по инициативе и под руководством генерала Муссы Кундухова, осетина по национальности, в Турцию, по российским официальным данным, переселились более 23 тыс. горцев, в основном чеченцев, вместе с которыми мигрировало и около 350 душ осетин (45 дворов) [14, 38; 13, 137–139]. В дальнейшем эпизодически происходили лишь индивидуальные переселения.

На наш взгляд, в период с конца 50-х до середины 60-х гг. XIX в. из Осе-

тии в османские пределы ушло в общей сложности едва ли более 5 тыс. чел., некоторая часть из которых вернулась обратно в первые же месяцы и годы после переселения [7, 76–77; 11, 188–193]. Информативными для оценки приблизительного числа осетинских мухаджиров могут быть имеющиеся в нашем распоряжении сведения о количестве турецких осетин в более позднее время. Так, побывавший в 1920 г. в Осетии сын генерала М. Кундухова Бекир Сами Кундух (Бекир Сами-бей), являвшийся министром иностранных дел в первом правительстве кемалистской Турции, отмечал, что в стране насчитывалось не более 600–700 семейств или 6 тыс. душ осетин [1, оп. 1, д. 1]. К началу же 70-х гг. XX в., по подсчетам экспертов «Северокавказского культурного общества» г. Анкары, в сельской местности Турции проживало 9 тыс. этнических осетин, и примерно такое же их количество предполагалось в городах [21, 39–48].

Маршруты переселения

Миграция осетин, как и представителей других центрально- и восточнокавказских народов, осуществлялась, как правило, сухим путем через Дарьяльский или Мамисонский перевалы Главного Кавказского хребта, грузинские и армянские земли непосредственно в приграничный Карсский *санджак*¹ Османской империи. Однако отдельные небольшие партии иммигрантов морем доставлялись из Батума в Трабзон и другие черноморские порты Анатолии или — реже — в Стамбул. Последнее обычно практиковалось в отношении

¹ *Санджак* (округ) — административно-территориальная единица в Османской империи, входившая в *вилайет* (губернию). Границы прежних османских *санджаков* примерно соответствуют *илам* в современной Турции.

состоятельных или обладавших определенным статусным престижем в глазах османских властей переселенцев, например, лиц духовного звания, кадровых офицеров и т.п.

Расселение осетинских переселенцев на Ближнем Востоке

Мухаджирство не было для большинства осетин единовременным актом. В силу различных факторов, прежде всего последующих событий военного и международно-политического характера, поиск ими мест окончательного поселения на территории Османской империи оказался растянутым на годы и десятилетия. Мы можем лишь в общих чертах проследить эти передвижения групп осетин внутри империи, поскольку выделение отдельных народностей из общей массы северокавказских переселенцев затруднено неточностью употребления кавказской этнической номенклатуры в турецких источниках, в которых все горцы именовались обычно черкесами или просто мухаджирами и далеко не всегда давалась — по причине практической неактуальности — их более узкая, «племенная» характеристика. Достоверная идентификация осетин возможна лишь в очень ограниченном числе османских архивных документов, где упоминаются кавказские мухаджиры племени *дигор*, либо племени *теги* (т.е. тагаурцы). Факт отсутствия в этот период признаков более широкого этнонационального самоотождествления осетин примечателен сам по себе, так как в какой-то мере является отражением характера этнического самосознания и образа мышления переселенцев, прежде всего их лидеров.

Судя по имеющимся данным, в течение 1859–1862 гг. практически все осетинские переселенцы были довольно компактно поселены в Северо-Восточной Анатолии, в Карсском *санджаке*, преимущественно в гористо-лесистой местности Сарыкамыш на восточных склонах хребта Соганлы, где имелись значительные площади свободных земель вследствие миграции в предшествующие десятилетия в Россию местных армян и греков. Осетинские иммигранты создали здесь не менее десятка самостоятельных сел (часто на месте развалин покинутых прежними жителями населенных пунктов), а в единичных случаях — отдельные кварталы в существующих турецких селениях. В одном из османских документов сообщается, что к сентябрю 1861 г. в этом районе, на плоскости Хамамлы-Дюзю, были поселены «черкесы племени дигор» в количестве 400 семейств, т.е. не менее 2 тыс. чел. [4, досье 758/38-1]. Не меньшей должна была быть и численность размещенных здесь выходцев из других осетинских обществ. Известны названия некоторых из основанных здесь в этот период осетинских сел: Юкары-Сарыкамыш (Верхний Сарыкамыш), Хамамлы, Бозат, Олуклу, Селим, Алисофу, Ханчерли, Каракурт, Агджалар и др.

По всей видимости, уже в начале 60-х гг. район Сарыкамыша приобрел особую притягательность для первоначально поселенных Портой в других частях Анатолии мелких групп осетин, прежде всего ввиду наличия здесь сравнительно многочисленных колоний их соотечественников и привлекательности природно-климатических условий (в том числе в силу известной схожести местного ландшафта с кавказским [28, 267]). Несомненно, что предпочтительность карсско-сарыкамышского регио-

на для осетин проистекала и из его близости к российской границе, поскольку, вероятно, довольно существенная часть иммигрантов допускала гипотетическую возможность своего возвращения на родину или, по крайней мере, поддержания определенных контактов с оставшимися там родственниками, а некоторые даже предпринимали соответствующие более или менее успешные попытки. Кроме того, значимым фактором при выборе этого района являлась его относительная географическая изолированность и малонаселенность, что было весьма важно ввиду изначальной ориентированности осетин-мухаджиров на сохранение в неприкосновенности своего традиционного социокультурного облика. Именно названными обстоятельствами объясняются факты повторных миграций сюда с санкции властей отдельных небольших партий осетин из внутренних областей Анатолии и даже, согласно устной традиции, из Стамбула. Так, в 1862 г. группа направленных в Сивасский *вилайет* осетин-дигорцев, главным образом представителей знати, обратилась к османской администрации с прошением о переселении в Сарыкамыш, мотивируя свою просьбу благоприятностью для них климата этого региона и тем, что там уже были поселены 160 семейств их «подданных». При этом авторы обращения заверяли официальные органы в том, что не допустят, чтобы кто-либо из упомянутых семейств изъявил намерение вернуться в Россию, а если таковые все же найдутся — обеспечат взыскание с них всех средств, затраченных на их обустройство государством и населением [3, досье 398/7]. Многократные перемещения по Анатолии в поисках наиболее подходящих мест для постоянного поселения совершили и другие группы осетин, в конечном счете также

нашедшие пристанище в Сарыкамыше [28, 28–29, 267].

Необходимо отметить, что осетины были не единственными северокавказцами в данной местности. В эти же годы в район Сарыкамыш мигрировало и поселилось в непосредственном соседстве с осетинами несколько тысяч аварцев, лакцев, кабардинцев и чеченцев. Любопытно, что данная колонизация осуществлялась турецкими властями фактически в нарушение соглашения с Россией о непоселении в пограничных с ней провинциях кавказских горцев. Более того, несмотря на то, что во время иммиграции 1865 г. российские власти гораздо жестче требовали от Порты соблюдения указанного условия, часть мигрировавших в этот период осетин также осела в ранее созданных здесь их соплеменниками селах. Благодаря столь интенсивному притоку населения с Северного Кавказа Сарыкамыш уже в начале 60-х гг. был выделен в самостоятельную административную единицу — *каза* (уезд) — в составе Карсского *санджака*. По свидетельству офицера британской военной разведки, побывавшего несколькими годами позднее в Сарыкамыше, там проживало более 1 тыс. семейств северокавказцев, способных выставить для османской армии в случае войны 2 тыс. конных добровольцев [22, 324].

Вне пределов Северо-Восточной Анатолии достоверно известно о создании в 60-х гг. XIX в. лишь одного осетинского поселения — смешанного осетино-кабардинского села Батманташ в *санджаке* Токат в Центральной Анатолии, где в 1866 или 1867 г. обосновался Мусса Кундухов вместе со своим ближайшим окружением, родственниками и зависимыми людьми.

Данная картина расселения осетинских мигрантов на османской террито-

рии сохранялась в неизменном виде в течение немногим более полутора десятилетия лет и была нарушена только в результате русско-турецкой войны 1877–1878 гг., когда Карсский регион был оккупирован русскими войсками, а затем включен в состав Российской империи под названием Карсской области.

Вслед за этим подавляющее большинство осетинских колонистов предпочло покинуть российскую Карсскую область и в конце 70-х — начале 80-х гг. постепенно мигрировало в глубь османской территории. На принятие основной массой сарыкамышских осетин и других северокавказцев такого решения, по всей видимости, оказали влияние сформировавшиеся еще в период Кавказской войны антироссийские установки и основанное на них убеждение в невозможности сохранения традиционного уклада жизни и своей этнической и религиозной самобытности под властью царской администрации¹ [28, 33]. Согласно данным предпринятого российскими властями статистико-географического описания Карсской области, к началу 90-х гг. XIX в. в районе Сарыкамыш, преобразованного в Соганлугский участок, сохранялось лишь три осетинских села: Верхний Сарыкамыш (23 двора или 163 души), Бозат (23 двора или 153 души) и Хамамлы (15 дворов или 83 души). Общее же число осетин в сельской местности области составляло 424 чел. [16, отд. 3, 69, 76, 84–85]. А в

¹ В эти годы из Карсской области в оставшиеся под суверенитетом Стамбула провинции переселилось от трети до половины всего местного мусульманского населения — турок, курдов, туркмен-карапахов и др. Однако лишь среди северокавказцев эта миграция имела характер почти поголовного исхода, о котором до недавнего времени потомки переселенцев вспоминали как о «втором мухаджирстве» [28, *passim*; 6, 197].

1897 г. первая всеобщая перепись населения Российской империи зафиксировала во всей Карсской области 520 осетин [12, 34–35]. Следует также отметить, что в этот период некоторое число жителей указанных сел вернулось в Осетию [11, 295–300; 28, 30], а во время Первой мировой войны на историческую родину, спасаясь от ожесточенных боев, бежало большинство оставшихся в Сарыкамыше осетин [29, 303–304]. Однако в 1922 г., после окончательной передачи Карсской области в состав Турции, почти все они (либо их потомки) вновь добровольно переселились, в соответствии с советско-турецким соглашением, в места своего прежнего проживания в Сарыкамыше [29, 304–306]. Наконец, в 20–30-е гг. XX в. сюда по предложению турецкого правительства возвратилась и часть осетинских семейств, мигрировавших после войны 1877–1878 гг. в другие анатолийские провинции, в частности, в Муш и Битлис. Все вернувшиеся осетины были расселены в трех сохранявшихся селах (причем в Хамамлы совместно с лакцами), а также в сс. Селим и Алисофу (в последнем совместно с туркменами-карапапахами). Эти процессы обратной миграции в регион в определенной степени восстановили (и на какое-то время продлили) жизненный потенциал общины сарыкамышских осетин как одной из основных локальных групп зарубежной осетинской диаспоры¹.

Вторая по значимости локальная осетинская община в Османской империи сформировалась в центральной части Восточно-Анатолийского нагорья (или, по старой терминологии, в Турец-

кой Армении и Курдистане) в результате миграции туда части карсских осетин в конце 70-х — начале 80-х гг. XIX в. На довольно обширном пространстве к северу и западу от озера Ван ими был основан ряд селений, из которых нам, по устным и документальным источникам, известны следующие: Симо, Хамзашейх, Караали, Гёвендик, Ярамыш, Месджитли, Сарыдавут в *санджаке* Муш; Хулык, Агджавиран (совместное с адыгами) в *санджаке* Битлис; Ырун в *санджаке* Сиирт² [21, 39–48; 20, 51]. Как и ранее в Сарыкамыше, на этой территории с осетинами часто соседствовали представители других северокавказских народов — дагестанцы, вайнахи и адыги. Однако, в отличие от прежнего, достаточно компактного расселения в Сарыкамыше, здесь колонии северокавказцев, в том числе и осетин, были рассредоточены в виде небольших групп сел или единичных поселений, находившихся обычно на значительно большем удалении (иногда на расстоянии многих десятков километров) друг от друга.

Значительная часть осетин после войны 1877–1878 гг. мигрировала из Карсской области в западном направлении — в Центральную Анатолию, расселившись в этом регионе еще более дисперсно, хотя и на «фоне» весьма многочисленного массива более ранних северокавказских (в основном адыгских и абхазо-абазинских) колоний. Здесь в эти годы возникли осетинские села: Конакозю, Еникёй, Капаклыкая,

¹ В начале 70-х гг. XX в. в селах провинции Карс, главным образом в районе Сарыкамыша, проживало не менее 4330 этнических осетин [21, 39–48].

² В 20–30-е гг. XX в. в рамках официальной кампании коррекции/туркизации топонимики Анатолии некоторые из указанных сел были переименованы. Так, Симо получило название Курганлы, Хамзашейх — Сарыпынар, Караали — Караагыл, Месджитли — Кызылмесджит, Хулык — Отлуязы, Агджавиран — Акчаорен, Ырун — Каяхисар [24, 354; 25, 142].

Кахвепынар (совместно с чеченцами), Дикилиташ, Еничубук в *санджаке* Сивас; Ченгибагы¹, Ташлык (совместно с адыгами), Кушотурагы (совместно с кумыками, ногойцами и адыгами) в *санджаке* Токат; Боялык, Пойразлы, Карабаджак, Каяпынар в *санджаке* Йозгат; Орханийе в *санджаке* Нигдэ; Фындык (совместно с кабардинцами, на язык которых осетины перешли еще в начальный период поселения) в *санджаке* Мараш [24, 354–355].

Помимо названных выше трех основных ареалов относительно компактного расселения этнических осетин в Анатолии, известно также о существовании в прошлом одного или двух селений в районе Эрзурума.

Кроме того, небольшая группа осетин после неоднократных перемещений по Анатолии добралась в 80-х гг. XIX в. до османской Сирии, основав там в округе Кунейтра, на так называемых Голанских высотах, два поселения — Фарадж и Фазара — в непосредственной близости от колоний адыгских, абхазских и чеченских иммигрантов.

Социально-экономическое и политическое положение осетинских иммигрантов в османский период

В соответствии с действовавшим законодательством, иммигрировавшим на территорию империи осетинам и другим северокавказцам оказывалась определенная материальная помощь с целью их скорейшего превращения в производительный элемент населения. Как правило, за счет провинциальных бюджетных средств и пожертвований местных жителей для каждой переселенческой семьи строился дом, выда-

вались сельскохозяйственные орудия и рабочий скот (обычно пара волов на две семьи) и назначались поденные продовольственные пособия на период до окончательного обустройства и сбора первого урожая [2, 133/54]. Колонисты также освобождались на несколько лет от уплаты налогов и выполнения воинской повинности. При этом мухаджирам, поселившимся в Карсе, а затем вынужденным мигрировать оттуда в другие провинции (к каковому принадлежало подавляющее большинство осетин), эти льготы были предоставлены дважды, хотя во второй раз их объем и сроки действия были заметно меньше. Следует также иметь в виду, что при переселении как с Кавказа, так и из Карсской области осетины имели возможность забрать с собой значительную часть своего движимого и недвижимого имущества, что сводило среди них к минимуму вероятность крайней нищеты, сравнимой с положением мигрантов с Северо-Западного Кавказа.

Тем не менее, безболезненной социально-экономической адаптации мухаджиров на новой родине зачастую препятствовали довольно существенные неблагоприятные обстоятельства. Так, крайне суровые природные условия Сарыкамышы (холодный климат высокогорья и низкий уровень плодородия почвы) ограничивали в этом районе возможности ведения эффективного аграрного производства, что сразу же после поселения побудило осетин к поиску альтернативных форм хозяйственной деятельности. В частности, с первых же недель пребывания здесь важнейшим источником дохода для них стала заготовка и продажа в Карс и Эрзурум древесины, причем этот промысел сохранял свое значение в течение нескольких следующих десяти-

¹ Переименовано в Гюрпынар.

тилетий и прекратил свое существование лишь в связи с почти полной вырубкой местных лесов [3: досье 398/7; 28: 30]. Из земледельческих культур в Сарыкамыше произрастали исключительно зерновые (пшеница и ячмень), картофель, лук и некоторые другие овощи, урожая которых хватало только для собственного потребления поселенцев. Поля по два года находились под паром. Фруктовые деревья не росли. Лучше обстояло дело с разведением крупного и мелкого рогатого скота и лошадей, чему способствовало наличие достаточного количества лугов и летних пастбищ. На зимовку, однако, весь скот перегонялся в более южные низинные районы. Часть животных, особенно лошадей, выращивалась на продажу, что составляло наиболее доходную статью экономики осетинского населения Сарыкамыша как до, так и во время русской оккупации региона. Из других продуктов за пределы сел вывозились и продавались лишь солома, сено и масло [28, 26, 30, 34–36, 267, 443–444]. Зафиксированы отдельные факты занятия поселенцев примитивным индивидуальным предпринимательством. Например, известно о сооружении и коммерческой эксплуатации дорожной переправы через реку Аракс в труднопроходимой местности близ села Каракурт в середине 70-х гг. XIX в. [22, 324].

Судя по османским документам, с первых же лет поселения в карско-сарыкамышском регионе некоторые осетины и другие выходцы с Кавказа, несмотря на освобождение от воинской обязанности, привлекались к добровольной оплачиваемой службе в армейских и пограничных подразделениях. Так, уже в 1860 г. власти объявили о наборе 500 человек «из числа прибывшего из России в окрестные казы населения»

на охранную службу в сооружаемые вдоль границы укрепленные посты [2, досье 113/75]. В период русско-турецкой войны 1877–1878 гг., когда местные осетинские села оказались в эпицентре боевых действий, немалая часть их жителей вступила в иррегулярные «черкесские» кавалерийские формирования и воевала в их составе под командованием Муса-паши (Муссы Кундухова) и Гази Мухаммед-паши (сына имама Шамиля). Однако из-за плохого обеспечения этих отрядов боеприпасами и фуражом и невыплат жалованья многие волонтеры довольно скоро покинули их и вернулись в свои села [27, 42–43, 151, 164–166].

На начальном этапе проживания в регионе осетин отмечались случаи грабежей ими местного населения, торговых караванов и др. Однако по мере налаживания колонистами хозяйственной жизни данная криминальная активность потеряла свое экономическое значение и пошла на убыль. Ее новый всплеск имел место вслед за занятием края русскими войсками. Оказавшись в неопределенности относительно своего будущего и ожидая в течение нескольких лет решения вопроса о переселении на османскую территорию, осетины «долгое время не занимались ни хлебопашеством, ни скотоводством...», промышляя «...грабежом скота, главным образом лошадей, которых перегоняли за границу». Лишь после эмиграции всех желающих в турецкие пределы оставшиеся в Сарыкамыше осетины принялись за восстановление своего хозяйства и вновь начали обрабатывать землю [16, отд. 2, 36–37].

Взаимоотношения сарыкамышских осетин с окружающим мусульманским населением, несмотря на имевшие место в начальный период определенные трения, были в целом достаточно

комплементарны. Большинство этнических групп, рядом с которыми были здесь размещены осетины, сами представляли собой относительно недавних переселенцев из российского Закавказья (карапахахи) или соседних областей Анатолии (курды, часть турок), расселенных Портой на месте эмигрировавшего армянского и греческого населения, и вследствие этого не имели каких-либо подкрепленных исторической традицией прав и претензий на выделенные осетинам земли и хозяйственные угодья. Политическая интеграция осетин и других северокавказцев в местный мусульманский социум облегчалась также значительным преобладанием в структуре последнего оседлого земледельческого элемента над кочевыми племенами. Отношения колонистов с местными христианами, однако, изначально были более натянуты. Особенно острый характер имели после 1878 г. конфликты осетин с армянами и греками, поселенными русской администрацией в покинутых мусульманами, в том числе и осетинами, селах [28, 30, 33, 35, 269].

Несколько иным было положение осетин на Восточно-Анатолийском нагорье. Природно-климатические условия Мушской долины, где располагалось большинство осетинских сел, были более благоприятны для сельскохозяйственной деятельности, а предоставленные им земли — более обширны, чем в сарыкамышском районе. Однако и здесь выращивались главным образом злаки; в производстве же прочих культур поселенцы далеко уступали соседним оседлым земледельцам — армянам и туркам. Крупного рогатого скота и овец в иммигрантских селах, как отмечали современные наблюдатели, было довольно много, но в этом отношении они значительно отставали от

кочевых курдов. В то же время осетины и другие северокавказцы ощутимо превосходили все местные группы по количеству и качеству своих лошадей, разведение которых и здесь имело определенное коммерческое значение. Существенное число осетин с первых же лет поселения в регионе было вовлечено в более доходные и престижные неаграрные виды деятельности. В частности, поселенцы охотно вступали на службу в жандармерию, полицию, патрульные отряды табачной компании «Режи» и — в меньшей степени — в гражданские государственные учреждения. Немалая часть занималась мелкой торговлей, а также весьма выгодной контрабандой табака [8, 80–81, 164; 26, 81–82]. В целом уровень благосостояния местной осетинской общины был, несомненно, выше, чем у окружающего населения [8, 164; 30, 331, 353].

Отношения поселенных в Муше, Битлисе и Сиирте осетин с основными категориями коренного населения носили крайне сложный характер, что проистекало из слабости здесь позиций официальной власти и существования в регионе освященной многовековой традицией системы эксплуатации (в форме феодально-патриархального «патронажа») одних этносоциальных коллективов другими. Во главе этой иерархии находились кочевые курдские племена, далее следовали оседлые и неплеменные курды и иные мусульманские общины, самое же приниженное положение занимали армяне и другие христиане. Осетины поначалу рассматривались вождями курдских племен в качестве чужеродного элемента, подлежащего либо включению в местную иерархию на правах подчиненной группы, либо вытеснению с предоставленных им правительством земель. «Основа-

нием» для таких претензий служило и то обстоятельство, что почти все колонии северокавказцев были созданы на месте сел, относительно недавно покинутых армянами, находившимися до эмиграции в полукрепостной зависимости от курдов, что рождало у последних соблазн перенести свои «владельческие права» на новопоселенцев. Однако благодаря довольно быстрой выработке поселенцами эффективных механизмов взаимопомощи, их лучшей военно-технической оснащенности и поддержке со стороны провинциальных администраций им, несмотря на малочисленность, удалось закрепиться в местной этносоциальной структуре на сравнительно высокой ступени, предполагавшей полную автономию во внутренних делах и уважение личной свободы и достоинства, хотя и при определенных формах номинальной «вассальной» зависимости от наиболее могущественных племен [26, 81–82]. Впрочем, сами иммигранты нередко совершали грабительские набеги не только на армянские селения, но и на владения кочевников, а временами участвовали в качестве добровольцев в военно-полицейских акциях властей против мятежных элементов [8, 163–164; 30, 341; 26, 82]. При случае же ими проводилась вполне самостоятельная локальная политика, даже если это шло вразрез с интересами их формальных «сюзеренов».

Показательной иллюстрацией к характеру взаимоотношений осетин как с курдами, так и с армянами может служить получивший отражение в отчете английского консула конфликт между жителями села Симо и племенем сипканлы, произошедший в конце 1893 г. из-за того, что осетины, вопреки воле курдов, согласились проводить за плату до российской границы

армянские семьи, эмигрировавшие из близлежащего села Лапбудаг *санджака* Хыныс. По пути отряд курдов напал на колонну с целью грабежа армян, но их конвоиры отбили атаку, убив нескольких нападавших, и благополучно доставили своих подопечных до границы. В ответ курды большими силами атаковали Симо, и в ходе длившихся несколько дней боев там погибло более 20 человек, в основном со стороны курдов. Однако, поскольку положение оборонявшихся было критическим, ими был направлен гонец к командиру 4-й Анатолийской армией черкесу Зеки-паше с просьбой прислать войска для защиты осажденных, что и предопределило благоприятный для колонистов исход противостояния [23, 11–12]. Можно предположить, что действия осетин в данном эпизоде были во многом продиктованы их стремлением к расширению собственного «жизненного пространства» путем освоения земель покидавших регион армян, что подтверждается фактом последующей осетинизации селения Лапбудаг.

В целом, однако, судьба размещенного в Восточной Анатолии осетинского сообщества являла собой в османский период пример преимущественно самостоятельной борьбы за выживание в чрезвычайно неблагоприятной этнополитической, социально-экономической, а порой и природной обстановке. Это положение изменилось лишь после кемалистской революции, когда центральное правительство укрепило свою власть над восточными районами страны, положив конец своевластию курдских феодалов.

Что касается осетинских групп Центральной Анатолии, их адаптация к местным реалиям проходила, несомненно, со значительно меньши-

ми осложнениями в силу достаточно благоприятных природных условий, сравнительно высокого уровня социально-экономического развития и более однородного и комплементарного в отношении кавказцев (этнически в основном турецкого) состава населения региона. После наделения предусмотренными для иммигрантов материальными средствами и урегулирования отдельных земельных споров с коренными жителями осетины довольно скоро превратились здесь в занятую главным образом сельскохозяйственным трудом общину, хотя, как и повсеместно в стране, относительно высокая их доля поступала на службу в военные, правоохранительные и административные учреждения. Ни в османских, ни в иностранных документальных источниках расселенные в регионе осетины никак не выделяются из общей массы довольно многочисленного здесь северокавказского («черкесского») элемента.

Довольно скудны и наши сведения о положении сирийских осетин. Несомненно, что в первый период после поселения они совместно с жителями близлежащих кавказских сел Голанских высот были вынуждены с оружием в руках отстаивать свои права на предоставленные им земли от посягательств не контролировавшихся властями племен бедуинов и друзов. К началу XX в., однако, благодаря стабилизации общественно-политической ситуации в районе Кунейтры и особой опеке со стороны администрации местная черкесская община превратилась в одну из наиболее благополучных в социально-экономическом отношении групп диаспоры в империи [18, 110].

Большинство сложившихся во второй половине XIX в. на османской тер-

ритории локальных сообществ осетин были в этносоциальном отношении довольно обособлены и замкнуты, что объяснялось не только непростым характером их «политических» взаимоотношений с целым рядом местных народностей и географической изолированностью многих колоний, но и существенными различиями в общественно-экономическом и культурном облике поселенцев и окружающего населения, особенно заметными в регионах Восточной Анатолии и Сирии. Ввиду этого обитатели осетинских поселений, как правило, поддерживали относительно ограниченный уровень социокультурного взаимодействия с соседними группами, за исключением других северокавказских общин. Такое положение, несомненно, способствовало консервации привезенных с Кавказа форм хозяйственного уклада, общественных отношений, культуры и языка. Целым рядом авторов, побывавших в мухаджирских колониях на рубеже XIX–XX вв. и позже, констатируется высокая степень их приверженности традициям и обычаям своей исторической родины, в частности, выполнение ими церемониальной и трудовой обрядности, соблюдение норм этикета, бытование пережитков прежнего сословного деления и т.д. Особо при этом выделяется такой видимый признак сохранения переселенцами своей этнической идентичности, как массовое ношение ими в повседневной жизни кавказского костюма, включая кинжал и прочие элементы вооружения [30, 332; 8, 162–164]. Следует также иметь в виду, что в целом в османский период власти не преследовали выраженных ассимиляторских целей в отношении этнических меньшинств.

Положение ближневосточных осетин в новейшее время

Начиная с 20-х гг. XX столетия, после распада Османской империи и возникновения национального государства — Турецкой Республики, властями последней стала весьма жестко проводиться политика форсированной «переплавки» всех этнических групп страны в общетурецком «плавильном котле». Правда, реальное воздействие этой политики на жителей осетинских сельских микроанклавов несколько смягчалось относительной слабостью их экономических контактов с внешним миром, а на востоке страны — еще и немногочисленностью там собственно турецкого населения. Несомненно, что вплоть до второй половины XX в. большинство осетинских локальных общин на территории Турции были в состоянии, несмотря на неблагоприятный политический и идеологический фон, обеспечивать воспроизводство своей этнической самобытности.

Сделанные в начале 40-х гг. турецким этнографом Сулейманом Казмазом на основе полевых исследований в четырех осетинских селах Сарыкамыша записи позволяют составить некоторое представление о социально-культурном облике здешних осетин и характере их идентичности в этот период.

Из данного источника следует, что в указанных селах на момент исследования проживало в общей сложности 78 дворов, в подавляющем большинстве осетинских.

В коллективном сознании жителей четко сохранялась память о происхождении с Кавказа с заметной тенденцией к идеализации исторической родины. В качестве причин исхода предков в османские владения назывались их не-

желание жить под властью русских и стремление сохранить мусульманскую религию.

Основным языком бытового общения внутри сел оставался осетинский.

Дома представляли собой одноэтажные постройки из тесаного камня и извести и имели — по причине дефицитности древесины — земляные полы и плоские земляные крыши, плохо защищавшие от влаги и холода. Хлева находились за пределами жилых помещений. Планировка комнат была правильной, а внутреннее убранство домов отличалось аккуратностью, чистотой и оформленностью с известным эстетическим вкусом, что выделяло их на фоне жилищ представителей других этнических групп.

Из традиционных продуктов питания было зафиксировано приготовление осетинского сыра, пирогов-уалибахов, а также темного пива по торжественным случаям. Значительное место в рационе занимали блюда местной и интернациональной кухни. В качестве крепкого спиртного напитка употреблялись турецкая анисовая водка *ракы*, но лишь людьми среднего и старшего возраста в умеренных количествах.

Традиционный костюм к описываемому времени вышел из употребления под влиянием запрета республиканских властей на его ношение, в связи с чем жители сел выражали сожаление.

Из фольклорных жанров бытовали в основном героические и абреческие песни и сказки. Лирические произведения практически отсутствовали, считаясь постыдными. Эпические сказания не были засвидетельствованы. Были известны некоторые стихи Коста Хетагурова, в том числе в форме песен (например, «Додой»), что, несомненно, являлось следствием тесных контактов

сарыкамышских осетин с исторической родиной в период русского правления. Из других видов устного творчества отмечены предания и притчи «из кавказской жизни» (в том числе о Кавказской войне и Шамиле), а также образцы анатолийского фольклора.

Хорошо сохранялись и регулярно исполнялись по торжественным поводам осетинские и иные кавказские танцы. Единственным музыкальным инструментом являлась гармоника.

Внимание турецкого исследователя привлек высокий брачный возраст в осетинских селах (для мужчин нередко более 30 лет), что было связано не только с экономическими проблемами, но и с трудностью выбора брачного партнера внутри собственной этнической группы вследствие ее малочисленности. Последнее обстоятельство задолго до описываемого времени привело к снятию запретов на браки между представителями различных по традиционному социальному статусу слоев («благородных» и «неблагородных» фамилий), а также членами родственных (*рвадальских*) фамилий. Имели место и прецеденты кросскузенного брака, но общественное мнение осуждало их. Обязательна была выплата калыма в размере 150 турецких лир (примерной стоимости двух лошадей). Непременным условием заключения брака являлось добровольное согласие обоих молодых людей. Похищение невесты не одобрялось и было довольно редким явлением. В общих чертах описанная Казмазом свадебная обрядность в целом мало отличается от типичных образцов осетинской свадьбы. Практиковались традиционные формы внутрисемейного избегания, хотя они соблюдались уже не столь строго, как

в более ранний период.

Трудовое воспитание детей началось в весьма раннем возрасте. Помимо чисто хозяйственных навыков, большое внимание уделялось обучению мальчиков искусству верховой езды (хотя эта традиция уже стала терять свое значение), а девочек — рукоделиям, в чем им не было равных в соседних селах. Отличительной особенностью осетин являлось стремление родителей к предоставлению детям современного образования; здесь почти не было не посещающих начальную или среднюю школу детей, несмотря на то, что школы имелись не во всех селах.

По сравнению с соседним населением, женщины в осетинских селах пользовались значительной свободой (не избегали мужчин, не носили чадру и т.д.). Нормой поведения мужчин являлось подчеркнуто уважительное отношение к женщинам. Обязанностью женщин в семье было ведение домашнего хозяйства, но полевыми работами они, как правило, не занимались.

Нормой поведенческого этикета оставалось также почтительное отношение к старшим, однако их реальное влияние в общественной жизни неуклонно ослабевало. Сохранявшийся по крайней мере до начала 20-х гг. институт медиативного суда старейшин к указанному времени прекратил существование. Все чаще давали о себе знать разногласия между поколениями по социально-экономическим и культурным вопросам.

Погребальные обычаи сочетали осетинские и исламские традиции, но уровень воздаваемых усопшим почестей был заметно выше, чем в неосетинских селах.

По характеру религиозного сознания сарыкамышские осетины являлись вполне правоверными мусульманами-

суннитами, стремившимися следовать в своей повседневной жизни предписаниям ислама. Сельчане, насколько можно судить из данного текста, в массе своей соблюдали пост, но намаз совершали весьма нерегулярно. Ношения женщинами покрывала не было отмечено. В большинстве сел имелись мечеть, а также мулла или муэдзин, но, как правило, из неместных жителей. Практиковалось паломничество к расположенным в районе могилам мусульманских святых — *зияретам*. Никаких признаков бытования пережитков традиционных (домусульманских) культов не наблюдалось [28, *passim*].

Материал Казмаза свидетельствует о том, что сарыкамышские осетины в середине XX в. сохраняли важнейшие социокультурные особенности, унаследованные ими от материнского этноса¹. Их групповая идентичность базировалась прежде всего на четком сознании общности своего происхождения и их социальной и культурной «особости» в данном регионе. Ситуация в других осетинских общинах, по всей видимости, принципиально не отличалась от описанной, если не считать несколько большей приверженности исламским нормам и традициям осетин ряда районов Центральной Анатолии (особенно провинции Йозгат) в силу проживания среди относительно консервативного турецкого населения.

Такое положение в целом сохранялось до 60–70-х гг., когда в связи с

ускорением индустриального развития Турции и вызванных им процессов внутренней миграции и урбанизации наметились кардинальные сдвиги в структуре расселения осетинского и иного кавказского населения. С этого времени практически все осетинские села и микроанклавы начали подвергаться постепенному «размыванию» вследствие нараставшего выезда из них экономически активной части жителей в крупные торгово-промышленные центры страны, что во многих случаях сопровождалось притоком в покидаемые осетинами села турецкого и курдского этнического элемента извне. Особенно интенсивный и необратимый характер разрушение первоначальной поселенческой структуры осетинских общин приняло в последние десятилетия XX в., отмеченное полным исходом из сельской местности осетинского населения Восточной Анатолии и почти полным — Центральной Анатолии. В результате в настоящее время единственным осетинским островком на территории Турции являются два села в провинции Йозгат — Пойразлы и Боялык (первое — дигорское, второе — иронское), — в целом сохраняющие свой моноэтнический статус при населении в несколько сот человек. Таким образом, за достаточно короткий промежуток времени турецкие осетины, общая численность которых к началу XXI столетия оценивалась примерно в 20–25 тыс. чел., превратились из преимущественно аграрного, в известной степени патриархального сообщества в практически полностью урбанизированное. Подавляющее большинство его членов сосредоточено в удаленных от районов прежнего расселения быстро развивающихся городах (прежде всего в стамбульском мегаполисе, а также в Анкаре, Измире, Бурсе, Анта-

¹ Этот вывод полностью подкрепляется и материалом другого полевого исследования (к сожалению, весьма фрагментарного), предпринятого среди сарыкамышских осетин примерно в тот же период турецким этнологом Яшаром Калафатом [19, 193–199]. Можно сослаться также на ценные наблюдения за жизнью и бытом турецких осетин известного журналиста М. Мамсурова, сделанные им в ходе поездки в Турцию в 1971 г. [10].

лье и др.), некоторая часть проживает в анатолийских провинциальных городах (Йозгат, Токат, Сивас, Кайсери, Эрзурум, Карс и др.), и лишь незначительное число — в селах.

Перемещение в крупные города, где осетины расселились весьма разрозненно и сумели достаточно быстро интегрироваться в доминирующее турецкое общество (обычно в качестве служащих, военных, предпринимателей и лиц свободных профессий), с одной стороны, дало сильный импульс процессам их культурной и языковой ассимиляции. Так, сегодня почти никто из лиц, родившихся и выросших вне пределов «старых» осетинских сел (то есть люди молодого и отчасти среднего возраста), не владеет родным языком¹. С другой стороны, с включением

в современную урбанистическую среду ускорилось формирование интеллектуальной, деловой, бюрократической и прочей элиты осетинской диаспоры, некоторая часть которой довольно активно участвует в осетинском и более широком северокавказском этнокультурном и общественном движении в Турции.

Созданный представителями этой элиты в 1989 г. в Стамбуле Фонд культуры и взаимопомощи «Алан» ставит своей целью «обеспечение социальной солидарности проживающих в Турции осетин... и защиту и развитие их культурных ценностей» [31]. Фондом организуются регулярные встречи выходцев из осетинских сел, оказывается материальная помощь нуждающимся соотечественникам в получении образования, лечения и т.п., создаются курсы по изучению осетинского языка и национального музыкального и хореографического искусства, издаются переводы на турецкий язык научной и научно-популярной литературы об истории и культуре осетинского народа и др. Важным направлением деятельности фонда является установление и поддержание контактов с исторической родиной по линии официальных учреждений, общественных организаций, учебных заведений, фамилно-родственных уз и т.п. Сразу после событий августа 2008 г. в Южной Осетии при деятельном участии активистов фонда

Сабатхъутæ, Сæлбитæ, Слонатæ, Сихъотæ, Таухъазахтæ, Тайсаутæ, Таутиатæ, Тези(а)тæ, Темурахъантæ, Тимортæ, Тугъантæ, Тухастатæ, Фидаратæ, Хекъелатæ, Хоситæ, Хосонтæ, Хъабантæ, Хъантемуртæ, Хъаныхъутæ, Хъæбæлотæ, Хъæрæбугъатæ, Хъæмæрзатæ, Хъодзатæ, Хъоцхаратæ, Хъуыбадтæ, Хъуысатæ, Цæлыккатæ, Цомартатæ, Цоритæ, Цæрикъатæ, Цъæхилтæ, Чеджемтæ. Любопытно, что некоторые из этих фамилий в настоящее время неизвестны в самой Осетии [15, 100–102].

¹ Тем не менее, несмотря на нарастающую языковую ассимиляцию и действующий в стране с 30-х гг. закон об обязательном ношении турецких фамилий, сегодня практически все турецкие осетины хорошо помнят свои оригинальные родовые имена и пользуются ими при неформальном общении друг с другом. По неполным данным покойного профессора В.С. Уарзиати — одного из немногих отечественных ученых, посвятивших ближневосточным осетинам специальные труды, — в Турции и Сирии проживают представители следующих осетинских фамилий: Агуыдз(ар)тæ, Абысалтæ, Ацæтæ, Асетæ, Ёлбегтæ, Ёмбалтæ, Ёрчъегкатæ, Баллатæ, Бабукъатæ, Баситæ, Баскатæ, Батиатæ, Батыртæ, Бадтæ, Балиотæ, Бæройтæ, Белеккатæ, Берозтæ, Беройтæ, Биазыртæ, Бимбасатæ, Бзартæ, Болиатæ, Борæтæ, Бедойтæ, Гадотæ, Газетæ, Гæбæратæ, Гагуылатæ, Галиотæ, Гамазтæ, Газаццатæ, Гасойтæ, Гæгуыйатæ, Гæгуыцатæ, Гуккатæ, Дзанæгатæ, Дзансохтæ, Дзапартæ, Дзарас(а)тæ, Дзгойтæ, Дзустæ, Дзуццатæ, Дзыхъотæ, Догæтæ, Есенатæ, Заккутæ, Закъетæ, Зехъетæ, Золойтæ, Итазатæ, Кадитæ, Карсан(а)тæ, Кенатæ, Кодзыртæ, Кокайтæ, Кокойтæ, Кодзатæ, Куындыхатæ, Кезиатæ, Къаболатæ, Къæнгуыратæ, Леуантæ, Лиан(а)тæ, Макъаратæ, Мамсыратæ, Махъотæ, Милдзыхтæ, Мырзатæ, Мрыкатæ, Мусалатæ, Нæкуысатæ, Ногатæ, Пухатæ, Рубайтæ, Салитæ, Самбегтæ, Сасиатæ,

«Алан» и других кавказских объединений Турции был создан «Кавказско-осетинский комитет солидарности и гуманитарной помощи», который сыграл весьма важную роль в проведении в турецких городах масштабных акций поддержки подвергшейся вооруженной агрессии Юго-Осетинской республики, лоббировании ее интересов в политических и массмедийных кругах страны, сборе средств для пострадавших собратов и т.д.

Таким образом, на нынешнем этапе правомерно говорить о наличии в Турции достаточно сплоченного, обладающего развитым диаспорным этническим самосознанием (наряду с турецким национально-государственным) и определенными механизмами самоорганизации сообщества потомков осетинских мухаджиров XIX в. В то же время очевидно, что данная этнозащитная и культурно-просветительная активность, в которую вовлечено на сколько-нибудь постоянной основе абсолютное меньшинство турецких осетин, не может составить надежный заслон преобладающей тенденции к их дальнейшей деэтнизации. В силу этого окончательная ассимиляция данной части осетинского этноса представляется все-таки вопросом времени, хотя на интенсивность и темпы этого процесса значительное влияние могут оказать такие факторы, как масштабы и качество происходящих в современной Турции демократических сдвигов, уровень и характер связей диаспоры с Осетией, а также общерегиональный международно-политический контекст.

Что касается осетин, оказавшихся после распада Османской империи в пределах Сирии, в их истории в XX столетии также имели место радикальные изменения, неотделимые от судеб всей северокавказской общины Голанских высот. Сумевшие обеспечить себе в целом достаточно высокий общественно-политический статус в период французского мандата, черкесы района Кунейтры после провозглашения независимой Сирийской Республики вынуждены были смириться со значительным ограничением своих этнокультурных прав, несмотря на то, что продолжали быть весьма широко представлены на всех уровнях официальных гражданских и силовых структур. Фатальным для данного меньшинства стал 1967 г., когда в результате Шестидневной войны с Израилем Сирия утратила контроль над Голанами, а жители расположенных здесь кавказских сел, включая осетин, бежали с насиженных мест в глубь страны. После этого основная часть осетин обосновалась в Дамаске и некоторых других городах Сирии, где их численность сегодня едва ли превышает 1 тыс. чел., а язык и этнокультурные особенности подвергаются все большему ассимилирующему воздействию со стороны господствующего арабского общества. Небольшое число осетинских и прочих беженцев эмигрировало после указанных событий в США. Большинство их в настоящее время проживает в городке Паттерсон в штате Нью-Джерси, где в послевоенные десятилетия сформировалась одна из наиболее значительных на американском континенте северокавказских общин.

1. Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева. Фонд 13.
2. Başbakanlık Osmanlı Arşivi. Sadaret. Mektubi Kalemi. Meclis-i Vala.
3. Başbakanlık Osmanlı Arşivi. Sadaret. Mektubi Kalemi. Nezaret ve Devair.
4. Başbakanlık Osmanlı Arşivi. Babıali Evrak Odası. Muhacirin Komisyonu.
5. Алборов Б.А. Первый осетинский поэт Темирболат Османович Мамсуров // Известия Горского педагогического института. Т. III. Владикавказ, 1926.
6. Бакрадзе Д.З. Историко-этнографический очерк Карсской области // Известия Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. Т. VII. № 1. Тифлис, 1881.
7. Кануков И.Д. В осетинском ауле. Рассказы, очерки, публицистика. Орджоникидзе, 1985.
8. Колюбакин А.М. Материалы для военно-статистического обозрения Азиатской Турции. Т. I. Ч. I. Тифлис, 1888.
9. Кундухов М. Мемуары генерала Мусса-паши Кундухова // «Дарьял». Владикавказ, 1994. № 4; 1995. № 1–3.
10. Мамсыраты М. Ёцæгæлон бæстæ. Орджоникидзе, 1986.
11. Осетия в кавказской политике Российской империи (XIX век). Сборник документов и материалов / Под ред. А.А. Хамицаевой. Владикавказ, 2008.
12. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Вып. LXIV. Карсская область. СПб., 1904.
13. Переселение горцев в Турцию. Материалы по истории горских народов / Сост. Г.А. Дзагуров. Ростов-на-Дону, 1925.
14. Тотоев М.С. К вопросу о переселении осетин в Турцию // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Т. XIII. Вып. I. Дзауджикау, 1948.
15. Уарзиаты В.С. Ирон мухадзыртæ Турчы // «Мах дуг». Дзæуджыхъæу, 1992. № 3.
16. Хелмицкий П. Карсская область. Военно-статистический и географический обзор. Ч. II. Отд. 2–3. Тифлис, 1893.
17. Хотко С.Х. Аланы и ассы в мамлюкском Египте // «Дарьял». Владикавказ, 1995. № 1.
18. Чочиев Г.В. Расселение северокавказских иммигрантов в арабских провинциях Османской империи (2-я половина XIX — начало XX в.) // Османская империя: страна и люди. М., 2000.
19. Чочиев Г.В. Сведения турецкого этнографа Я. Калафата о народных верованиях сарыкамышских осетин // Известия Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований. Вып. 1(40). Владикавказ, 2007.
20. Atılgan Z. Muş, Bitlis ve Bingöl İllerindeki Kuzey Kafkasyalı Muhacirler // «Birleşik Kafkasya». İstanbul, 1965. № 5.
21. Aydemir İ. Türkiye Çerkesleri // «Kafkasya». Ankara, 1973–75. № 36–47.
22. Burnaby F. On Horseback through Asia Minor. Vol. I–II. L., 1878.
23. Correspondence relating to the Asiatic Provinces of Turkey, 1894–95. Presented to

both Houses of Parliament by Command of Her Majesty // «Turkey» . L., 1896. № 6.

24. Ethnic Groups in the Republic of Turkey. Ed. by P.A. Andrews. Wiesbaden, 1989.

25. Ethnic Groups in the Republic of Turkey. Supplement and Index. Ed. by P.A. Andrews. Wiesbaden, 2002.

26. *Fırat M.Ş.* Doğu İlleri ve Varto Tarihi. Ankara, 1981.

27. *Gazi Ahmed Muhtar Paşa.* Anılar. C. II. Sergüzeşt-i Hayatım'ın Cild-i Sanisi. İstanbul, 1996.

28. *Kazmaz S.* Sarıkamış'ta Köy Gezileri. Ankara, 1995.

29. *Kubat T.* Muhacirin Hicrandır Ömrünün Yarısı. Ankara, 2005.

30. *Lynch H.F.B.* Armenia: Travels and Studies. Vol. II. The Turkish Provinces. L., 1901.

31. URL: <http://www.alanvakfi.org>.